

КЛАН МОРЕТТИ

Пепел и сталь

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

18+

Валерий Корепин

КЛАН МОРЕТТИ

«Автор»

2026

Корепин В. Д.

КЛАН МОРЕТТИ / В. Д. Корепин — «Автор», 2026

Честный путь в Республике Констанция закрыт. Туман, ржавые доки и безысходность панельных окраин не оставляют выбора братьям Крису и Ричи Моретти. Когда система ломает тех, кто не умеет прогибаться, остаётся только один закон — закон силы. От унижительных побегов от уличных банд до кровавых разборок с картелями, от варки дешёвого яда в фургоне на краю скалы до высоких кабинетов мафиозных синдикатов Лос-Вистаса. Моретти строят свою империю на пепле и стали. Но в мире, где предательство стоит дешевле пули, а союзники носят маски, главная битва — это битва за собственную душу. Мрачный, бескомпромиссный криминальный эпос о цене власти, братской крови и наследии, которое невозможно отменить.

© Корепин В. Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ I: ЧЕСТНАЯ ЖИЗНЬ	6
ЧАСТЬ III: ПЕПЕЛ И СТАЛЬ	15
ЧАСТЬ IV: ЦЕНА ВХОЖДЕНИЯ	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Валерий Корепин

КЛАН МОРЕТТИ

КЛАН МОРЕТТИ

Пепел и сталь

© Корепин Валерий / SetchatkaGlaza, 2025

ВНИМАНИЕ! КНИГА ПРЕДНАЗНАЧЕНА ДЛЯ ЛИЦ СТАРШЕ 18 ЛЕТ (18+)

Данное произведение содержит сцены жесткого насилия, ненормативную лексику, описание употребления и производства наркотических средств, а также детальное изображение деятельности организованных преступных группировок. Все события, имена, названия организаций и локаций являются вымышленными или созданы на основе реальных событий в целях художественного осмысления. Любое совпадение с реальными людьми, живыми или мертвыми, а также с реальными криминальными синдикатами случайно. Автор и издатель не пропагандируют преступный образ жизни и не призывают к насилию. Читатель берет на себя полную ответственность за восприятие данного материала.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I: ЧЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

ЧАСТЬ II: ПЕРВАЯ СДЕЛКА. НЕ РОМАНТИКА, А БИЗНЕС

ЧАСТЬ III: ПЕПЕЛ И СТАЛЬ

ЧАСТЬ IV: ЦЕНА ВХОЖДЕНИЯ

АКТ I

ЭПИЗОД 1: ВО ВСЕ ТЯЖКИЕ

ЭПИЗОД 2: ВЫШЕЛ НА УЛИЦУ – ЗНАЙ КОДЕКС

ЭПИЗОД 3: ХИМИЯ И ТИШИНА

ЭПИЗОД 4: НАСЛЕДСТВО И КРОВЬ

ЭПИЗОД 5: УСТОЙЧИВОЕ РАВНОВЕСИЕ

АКТ II

ЭПИЗОД 1: ЗАПАХ СТРАХА И КАРМАННАЯ ЛИРИКА

ЭПИЗОД 2: ШЁПОТ СТАЛИ И ВОЙ СИРЕН

ЭПИЗОД 3: ПИЦЦА, НИЩЕТА И ПИСТОЛЕТ

ЭПИЗОД 4: СОВЕТ И ТРЕЩИНЫ НА МРАМОРЕ

АКТ III

ЭПИЗОД 1: ТЕНЬ НЕИЗВЕСТНОГО ВРАГА

ЭПИЗОД 2: ФУРА, БАНЯ И КРОВЬ НА АСФАЛЬТЕ

ЭПИЗОД 3: ПОТОК

ЭПИЗОД 4: ПУСТОЙ ЭКРАН

ПРОЛОГ: АСТОРЕ ВИТАЛЕ

ЧАСТЬ I: ЧЕСТНАЯ ЖИЗНЬ

Туман в Республике Констанция был не атмосферным явлением, а состоянием души. Он стелился с промзон по утрам — кислый, с привкусом выбросов «Констанц-стали» и влажной щепы с лесопилки. Он въедался в одежду, в волосы, в лёгкие. Он не рассеивался к полудню, а лишь слегка редел, обнажая унылую геометрию панельных пятиэтажек, похожих на гигантские надгробия.

Крис Моретти стоял под навесом автостанции, который больше походил на убогий сарай, и пытался зажечь сигарету. «С'К» отсырел. Третья спичка сломалась. Он швырнул коробок в лужу, где уже плавали два окурка и пустая банка из-под дешёвого энергетика. Энергии здесь не было ни у кого. Была только усталость.

Он увидел, как из чёрной пасти проходной завода выползает серая толпа. Среди них — Ричи. Не брат его, не весёлый, дерзкий парень с Бруклина, который мог сходу влюбить в себя любую девчонку на округе, а сгорбленная фигура в промасленном комбинезоне цвета запёкшейся крови. Ричи не шёл, он волочил ноги, будто каждый ботинок весил центнер.

«Додж» Dart 1961 года, их общая гордость и позор, стоял тут же, под рыжим подтёком с крыши. Краска на капоте пузырилась, как проказа. Дверь пассажирской стороны с отвратительным металлическим скрипом открылась и захлопнулась. Ричи швырнул на заднее сиденье рюкзак с инструментами. Звякнуло.

— Всё, — сказал он одним словом. Голос был хриплым, лишённым интонации. Голос человека, который только что съел дерьмо и которому велели улыбаться.

— Что «всё»? — спросил Крис, втыкая ключ в замок зажигания. Мотор завёлся с кашлем чахоточного.

— Всё, Крис. Закончилось. Меня больше не нужно. Наш «горячий сицилийский темперамент», — он выговорил это слово с ядовитой, картавой издевкой, — несовместим с техникой безопасности на высоте. Оказывается, я могу «спровоцировать конфликт». Меня видели, как я «агрессивно смотрел» на прораба. На хуй, — последнее слово он выдохнул в запотевшее стекло, нарисовав пальцем короткий, грубый след.

Крис молча дал газу. Машина дёрнулась, выбрасывая из выхлопной трубы клуб сизого дыма. Они ехали через Стар-Ривер. Район, который не имел ничего общего с рекой, кроме вонючего канала, куда сливали отходы. Дома-коробки. Разбитые детские площадки. Мужики у ларька, потягивающие пиво из банок в бумажных пакетах в десять утра. Всё серое. Всё одного цвета с комбинезоном Ричи.

— Я сегодня тоже получил свою порцию, — наконец произнёс Крис, пропуская грузовик, который летел на красный. — Диспетчер Макс, жирный уёбок, вызвал к себе. «Кристофер, — говорит, — у нас тут клиентоориентированный бизнес. А у тебя, когда везёшь груз, лицо как у человека, который везёт труп в багажнике. Ты всех пугаешь. Клиент с „Санстайл Индастриз“ пожаловался. Сказал, ты на него, когда подписывал накладную, смотрел, будто измерял, во сколько ярдов креп-бумаги на него уйдёт».

— А ты что?

— А я сказал, что этот уёбок с «Санстайл» три раза пытался меня обсчитать, а в последний раз сунул в папку с документами фотку своей голой жены, будто это чаевые. На что Макс сказал: «Видишь, Крис, проблема не в нём. Проблема в восприятии. Всех вас, с вашего полуострова, воспринимают как бандитов. Надо быть... проще. Улыбаться». Я улыбнулся. Он отодвинулся. Сказал: «Не надо так. Это ещё страшнее».

Ричи прохрипел что-то, отдалённо напоминающее смех.

— Значит, мы бандиты. По определению. Даже не сделав ничего. Просто родились.

— Мы не бандиты, — сквозь зубы проговорил Крис, с силой сжимая баранку. — Наш отец за тридцать лет на фабрике ни разу не опоздал. Мама до сих пор каждое воскресенье в церкви. Мы... мы просто не умеем прогибаться. Нас так не делали.

Их квартира встретила их запахом сырости, старого масла и невыполненных обещаний. Они сняли её два года назад, думая — временно. Пока встанут на ноги. Пока найдут «свое место». Теперь это место выглядело как склеп. Облупленные обои. Скрипучий линолеум. На столе — уже пожелтевшее письмо от матери, которую они не видели полтора года. Она писала на итальянском, мелким, нервным почерком: «...молимся за вас. Отец нашел знакомого в Нью-Джерси, он может устроить вас на хорошую работу, честную. Позвоните. Не гордитесь. Гордость — грех...»

Они не позвонили. Гордость была единственным, что у них оставалось.

— Кончились деньги, Крис, — Ричи не раздеваясь рухнул на диван, подняв облако пыли. — На аренду, на свет, на эту хуёвую тачку, которая сдохнет раньше нас. Ещё месяц, может два. И нас вышвырнут на хуй отсюда. На улицу. И мы поедем к маме в Бруклин с хвостом между ног. А папа будет смотреть на нас тем взглядом. Ты помнишь этот взгляд? Когда я в шестнадцать поцарапал его «Шеви». Молчание. Он просто смотрел. Как на неудачников. На позор семьи.

Крис стоял у окна, глядя на помойку во дворе. На ней копошился какой-то бродяга. Нашёл полупустую банку тушёнки и ел пальцами.

— Я не поеду обратно, — тихо, но отчётливо сказал Крис. — Я лучше сдохну здесь.

— Значит, надо что-то делать, — голос Ричи приобрёл металлический оттенок. Тот самый, который пугал прораба. — Что-то одно. Или мы сдаёмся, и нас съедает эта хуёвая страна вместе с её «клиентоориентированностью». Или...

— Или что? — обернулся Крис.

— Или мы становимся теми, кем они нас уже считают.

Наступила тягучая, гнетущая пауза. Слышно было, как с потолка капает вода в ведро, поставленное на прошлой неделе. Кап. Кап. Кап. Отсчёт времени до конца.

Через три дня случилось то, что стало последней соломинкой. У Криса был «друг». Не друг, а так — знакомый. Майки, сын ирландца и полячки, с которым они иногда пили пиво. Майки работал на стройке и вечно искал «дело». Крису в отчаянии пришла в голову дурацкая идея — может, вскладчину купить подержанный грузовик, заниматься вывозом мусора? Честным бизнесом. Нужна была тысяча долларов на долю.

Он встретился с Майки в забегаловке «У Джерри». Майки слушал, кивал, хмурился.

— Слушай, Крис, дело вроде норм, — сказал он, отпивая своё пиво. — Но есть нюанс.

— Какой?

— Ну, ты же... итальянец. У вас там связи, родня... — Майки замялся.

— Какая связь? Моя родня в Бруклине красит заборы! О чём ты?

— Да я верю, верю. Но люди... они видят фамилию. «Моретти». Все эти разговоры про мафию. Инвесторы струхнут. Банк может не дать кредит. Понимаешь? — Майки избегал его взгляда. — Я бы с тобой, но мне надо думать о репутации. У меня семья. Я не могу рисковать, связываясь с... ну, ты понял.

Крис понял. Он встал. Пиво в его горле стояло комом горечи и желчи.

— Связываясь с чем, Майки? Скажи.

— Ну... с проблемами. Извини, парень. — Майки сунул руку в карман, достал десять долларов, бросил на стол. — За твоё пиво. Держи. И удачи, правда.

Крис не тронул деньги. Он вышел на улицу, и его вырвало прямо у стены забегаловки, в колючий куст какого-то дерьмового кустарника. Его трясло. Не от отравления. От полного, абсолютного краха. Его предал не враг. Его предал «нормальный» парень, который боялся

«проблем», которыми они с Ричи, по умолчанию, являлись. Они были чумой. Они были клеймом. Они были «горячими и ненадёжными» в одном флаконе.

Он вернулся домой затемно. Ричи сидел на полу, прислонившись к стене, и чистил армейский складной нож. Движения были монотонными, гипнотизирующими. На тумбочке лежала пачка денег. Небольшая. Все их сбережения.

— Откуда? — хрипло спросил Крис.

— Заложил часы отца, — без выражения сказал Ричи. — И цепочку с крестиком, что мама дала. В ломбарде на 5-й улице. Дали хуёво. Но это всё, что у нас есть.

Крис закрыл глаза. Он представил лицо отца, когда тот заметит пропажу своих часов, купленных на первую получку в Америке. Представил слёзы матери. Он снова почувствовал тошноту.

— Майки послал меня на хуй, — выдохнул он. — Потому что мы — «проблемы».

— Я знал, что этот ублюдок так сделает, — Ричи щёлкнул клинком, зафиксировав его. Лезвие блеснуло тускло в свете голой лампочки. — Все они так сделают. Все эти «нормальные». Для них мы — грязь. Ну что ж, — он поднялся, подошёл к окну, указывая ножом на темноту за ним. — Видишь контейнеры? На старых доках? Там не живут «нормальные». Там живёт ржавчина, крысы и вещи, о которых все забыли. Там можно хранить всё, что угодно. И никто не спросит про твою фамилию. Никто не скажет, что у тебя неправильный взгляд.

Крис молчал.

— Оружие, Крис, — голос Ричи стал низким, убедительным, почти ласковым. — Не наркота, не бабы. Оружие. Это... инструмент. Его покупают не для вечеринки. Его покупают те, у кого нет другого выхода. Как у нас сейчас. Мы им продадим этот выход. По справедливой цене.

— Это точка невозврата, Рич, — прошептал Крис. — Если начнём — мы уже не будем теми, кем нас хотят видеть родители. Мы станем теми, кем нас уже все считают.

— А кто мы сейчас? — Ричи резко обернулся. Его глаза горели. Не безумием. Страшной, кристальной ясностью. — Мы никто, Крис. Мы призраки в этом городе. Мы даже на помойке, — он ткнул ножом в сторону окна, — не самые главные. Там есть бомж, который имеет свою банку тушёнки. А у нас? Нас съедает этот туман. Медленно. По капле. Я не хочу так. Я лучше буду бандитом, которого бояться, чем жалким ублюдком, которого жалеют и сторонятся. И ты... — он шагнул вплотную к брату, вложил рукоятку ножа ему в ладонь. — Ты мой брат. Моя кровь. Моя единственная семья здесь. Я порву глотку любому, кто посмотрит на тебя косо. Но чтобы это сделать, мне нужно быть сильным. Нам нужно быть сильными. Вместе.

Крис смотрел на нож в своей руке. Он чувствовал холод металла, шершавость рукоятки. Он смотрел на лицо брата. На эту смесь отчаяния, ярости и любви, которую не выразить словами. Он думал о взгляде отца. О слёзах матери. О жирной роже диспетчера Макса. О брезгливой гримасе Майки.

И он понял, что Ричи прав. Честной дороги для них не проложили. Её не было. Была только грязь. И они могли либо утонуть в ней, либо сделать её своим фундаментом.

Он медленно сложил клинок, сунул нож в карман.

— Контейнеры на доках, — сказал он, и его голос впервые за многие месяцы не дрожал. — «Восточные склады». Арендовать. На всё, что выручил за часы отца. Найти, у кого купить первый товар. Не связываться с крупняком. Мелкие партии. Только для своих, для таких же отбросов.

— Я уже навёл справки, — в глазах Ричи вспыхнул тот самый огонёк, который Крис не видел со времён Бруклина. Огонёк авантюры. Огонёк жизни. — Есть парень в Лос-Вистасе, торгует стволами из бывших соцстран. Дёшево и сердито.

— Тогда завтра, — Крис подошёл к столу, взял письмо матери, долго смотрел на него, потом аккуратно сложил и убрал в ящик. Не выбросил. Спрятал. — Завтра мы начинаем наш «импортно-экспортный бизнес».

Он подошёл к окну. Туман за стеклом был всё так же густ. Но теперь это был не враг. Это был их союзник. Их покров. Их мир.

Внизу, на помойке, бродяга доедал свою тушёнку. Завтра, думал Крис, завтра всё будет по-другому. Они не будут просить. Они будут продавать. Они не будут бояться. Их будут бояться.

Так, в вонючей квартире, над миской с протухшими объедками и с ножом в кармане, родилась семья Моретти. Не в лучах славы, а в тусклом свете голой лампочки. Не от великой идеи, а от великого унижения. И цементом, скрепившим её, была не клятва верности, а простая, братская мысль, которую Крис поймал в голове, глядя на спину Ричи: «За него. Только за него. И до конца».

ЧАСТЬ II: ПЕРВАЯ СДЕЛКА. НЕ РОМАНТИКА, А БИЗНЕС

Мороз в Республике Констанция был особенным. Он не щипал щёки свежестью, а впиался в кости сырой, промозглой хваткой, будто весь город был одним большим, плохо отапливаемым подвалом. Туман не рассеялся, а загустел, превратившись в ледяную взвесь, которая оседала на металле контейнеров инеем цвета свинца.

Контейнер №17. Их «офис». Их «храм». Их могила, как внезапно подумалось Крису.

Он переминался с ноги на ногу, пытаясь зажечь сигарету дрожащими руками. Ричи стоял неподвижно, как статуя, прислонившись к холодной, шершавой стене. Его взгляд был прикован к размытым огням в конце аллеи доков. В кармане его кожаной куртки лежал «товар» — два чешских пистолета в промасленной бумаге. Не та партия из Лос-Вистаса. Тот груз задерживался. Это была их «пробная партия», купленная через три руки у какого-то спившегося моряка из балтийского флота. Стволы старые, но убить могли. Надежно.

— Он опаздывает, — сквозь зубы процедил Ричи. — Все опаздывают, — ответил Крис, но в голосе не было уверенности. Была та же тошнотворная пустота под ложечкой, что и перед увольнением. Ожидание удара.

Машина появилась не со стороны въезда, а вынырнула из тумана между рядами контейнеров. Не старый седан, на который они рассчитывали, а грязный белый фургон с затонированными стёклами. Остановился в десяти метрах. Двери не открывались.

— Это не он, — прошептал Крис, и его рука инстинктивно полезла за пояс, где изнутри брюк, на самодельной клипсе, болтался тяжёлый складной нож. — Деньги есть? Пофиг, — Ричи оттолкнулся от стены. В его движениях была натянутая, агрессивная уверенность, которую он репетировал перед зеркалом. «Мы хозяева положения», — твердил он.

Дверь водителя фургона открылась. Вышел мужчина лет сорока, в дешёвом спортивном костюме и кепке. Лицо широкое, скуластое, без выражения. За ним вылез второй — помоложе, тощий, с нервным подёргиванием головы.

— Вы парни с игрушками? — спросил старший. Голос был глухой, без эмоций. — Мы парни, у которых есть то, что вам нужно, — парировал Ричи, делая шаг вперёд. Крис невольно последовал за ним, чувствуя, как его сердце колотится о рёбра. — Покажите.

Ричи кивнул. Крис, с трудом управляя одеревеневшими пальцами, достал один свёрток, развернул бумагу. Тусклый свет фар выхватил синеватый металл пистолета. Мужчина в кепке приблизился, взял оружие, осмотрел его с видом профессионала, щёлкнул затвором.

— Хлам. Балтийский хлам. Но сойдёт. Сколько? — Триста за штуку. За оба — пятьсот пятьдесят, — выдавил Ричи заранее отрепетированную фразу. — Двести. И за оба, — сказал мужчина, не отрывая глаз от ствола. — Мы договаривались на триста, — в голосе Криса прозвучала слабая нотка паники. — Я ни с кем не договаривался, — мужчина поднял на него

глаза. В них не было ни злобы, ни жадности. Была пустота. Та самая, что бывает у хищника перед прыжком. — Двести. Или мы уезжаем, а вы остаётесь тут с этим хламом и ждёте копов, которых я уже, между прочим, на всякий случай вызвал.

Это был шантаж. Грубый, примитивный. И он сработал. Крис почувствовал, как по спине пробежал ледяной пот. Ричи сжал кулаки. — Ладно. Четыреста за оба. И вы убираетесь к чёрту. — Двести, — мужчина ухмыльнулся, и в его улыбке было что-то нечеловеческое. Он кивнул тощему. Тот полез в фургон.

Тощий вынес не пачку денег. Он вынес монтировку.

Всё произошло за секунды. — Вы что, блядь... — начал Ричи, но монтировка со свистом рассекла воздух и обрушилась ему на плечо. Раздался тупой, мокрый хруст. Ричи крикнул — не от боли, а от ярости и неверия — и рухнул на колени.

Мир для Криса сузился до туннеля. Он рванулся вперёд, вытаскивая нож. Лезвие со щелчком зафиксировалось. Он замахнулся на тощего, но мужчина в кепке был быстрее. Он не стал драться. Он просто выстрелил.

Выстрел в замкнутом пространстве доков грохнул, как взрыв. Эхо покатилося меж контейнеров, умножаясь. Крис не понял сразу, что произошло. Он почувствовал лишь страшный удар в живот, будто его лягнул мул. Он ахнул, захлебнулся воздухом и осел на холодный, мокрый асфальт. Нож выпал из ослабевших пальцев. Не было адской боли. Был шок. И дикий, животный ужас. Он видел свои руки, вцепившиеся в живот. Из-под пальцев сочилось что-то тёплое и липкое.

— Глупые пацаны, — услышал он голос сверху. Мужчина в кепке стоял над ним, пистолет дымился. — На нашу территорию лезете. Без спроса. Без разрешения. Надо было спросить, кому тут кланяться. Теперь спрашивать будете у Бога.

Он наклонился, забрал оба пистолета, сунул их за пояс. Тощий обыскал стонущего Ричи, вытащил из его кармана пачку с деньгами — все их сбережения, вырученные за часы отца. — Живите, если повезёт, — бросил мужчина, разряжая в воздух ещё один патрон, который просвистел в сантиметрах от головы Криса. — И передайте тому, кто вас послал: район доков — территория «Славянского братства». Следующий раз пристрелим нахрен.

Фургон рванул с места, шины взвыли на мокром асфальте. Красные огни задних фонарей растворились в тумане.

Наступила тишина. Только прерывистое, хриплое дыхание Ричи и собственный свист в ушах слышал Крис. Живот горел. Он боялся посмотреть. Боялся понять, что это конец. Что они продержались всего неделю. Что их «семья» закончилась, не начавшись, на вонючем асфальте у ржавого контейнера.

— Крис... — прохрипел Ричи, пытаясь подняться на одно колено. Его левая рука висела плетью. — Брат... ты как?

«Я умираю», — хотел сказать Крис. Но вместо этого он, стиснув зубы, заковылял к брату. Они, спотыкаясь и падая, опираясь друг на друга, как два подранка, доползли до «Доджа». Крис, преодолевая дикую боль, которая наконец накрыла его с головой, сумел запихнуть Ричи на заднее сиденье, сам рухнул за руль. Завёл. Куда ехать? В больницу? С огнестрельным? С ними сразу свяжутся копы. Конец.

— К Френки... — простонал Ричи с заднего сиденья. — К Френки-механику... он... он в долгу перед папой...

Френки-механик, старый сицилиец, когда-то работавший с их отцом, оказался тем редким человеком, который не задавал лишних вопросов. Его гараж был в таком же убогом районе. Увидев их, он только тяжело вздохнул, перекрестился и указал на грязную походную койку в углу.

— Пулю надо доставать, Кристофер, — сказал он, осматривая рану. К счастью, пуля прошла навывлет, пробив мышцы сбоку, не задев жизненно важного. Но потеря крови была серьёз-

ной, и начиналось воспаление. Ричи отделался вывихом плеча и страшным ушибом. Френки вправил кость, зашил рану Крису какими-то грубыми нитками, обколол их обоих антибиотиками, добытыми бог весть где.

Три дня они пролежали в наркотическом бреду от обезболивающего в задней комнатке гаража, воняющей бензином и маслом. На четвёртый день, когда Крис мог уже сидеть, к ним зашёл Френки.

— Вы, пацаны, влипли по уши, — сказал он, вытирая руки тряпкой. — «Славянское братство». Это не шутки. Это серьёзные ребята. Беспредельщики, но сильные. Вам надо либо смыться, либо искать крышу. Сильную. — Какая крыша? — мрачно спросил Ричи, держась за перевязанное плечо. — У нас нет никого. — А как же ваш дядя? — удивлённо поднял брови Френки. — Какой дядя? — Ральф. Ральф Моретти. Ваш отец никогда не говорил? Он здесь, в Констанции. Живёт уже лет двадцать. Я думал, вы к нему и приехали.

Крис и Ричи переглянулись. Ральф. Смутное воспоминание из детства. Темноволосый мужчина с тяжёлым взглядом, который однажды приезжал в гости, наговорил отцу чего-то, они поссорились, и его больше не видели. Отец сказал: «Твой дядя Ральф выбрал другую дорогу. Мы о нём не говорим».

— Где он? — спросил Крис. — В старом районе, у порта. «Старые Амбары». Дом номер 14. Но вы, ребята... будьте осторожны. Ральф... он не тот человек, каким был.

Район «Старые Амбары» был ещё одним памятником упадка Констанции. Когда-то тут были склады для зерна, теперь это были полуразвалившиеся кирпичные корпуса, в которых ютились те, кому не хватило денег даже на «Стар-Ривер».

Дом 14 был не домом, а перестроенным складским помещением. Дверь — металлическая, с глазком. Крис, бледный как полотно, всё ещё слабый, постучал. Ричи стоял сзади, нервно озираясь.

Дверь открылась не сразу. Потом щёлкнул замок. На пороге стоял Ральф Моретти.

Он почти не изменился с той смутной детской памяти. Только поседел у висков, и лицо стало не старше, а... глубже. Будто из него вырезали всё лишнее — улыбку, суету, эмоции. Осталась только скала. Он был в простых штанах и застиранной футболке, но держался с таким достоинством, будто был в смокинге. Его глаза, тёмные, как маслины, медленно перешли с Криса на Ричи, на его перевязанное плечо, на бледность племянника.

— Входите, — сказал он просто, без удивления, и отступил, пропуская их внутрь.

Интерьер был спартанским, но поразительно чистым. Никакой грязи, никакого бардака, как у них. Коридор вел в просторную комнату с высоким потолком. И вот тут мир перевернулся.

На стенах не было обоев. Стены были увешаны фотографиями. Чёрно-белыми, цветными, выцветшими. Но это были не семейные снимки. На одной — молодой Ральф в матросской форме, стоит на палубе какого-то сухогруза. На другой — Ральф постарше, в хорошем костюме, стоит рядом с женщиной в шляпе у ипподрома. Крис узнал этого мужчину — это был Мак Мартин, босс нью-йоркской семьи, чья фотография мелькала в газетах лет двадцать назад. На третьей — Ральф с группой таких же серьёзных мужчин на открытии какого-то ресторана. Все улыбаются, но улыбки не доходят до глаз.

В углу, на полке, стояла рамка со снимком, где Ральф был молод, а рядом с ним — их отец, тоже молодой, они обнялись и смеются. Та самая ссора, видимо, случилась позже.

Но больше всего поразила не фотография, а предмет на старом деревянном столе под ней. Это была сложенная газетная вырезка. Крупный заголовок: «ЗАГАДОЧНОЕ ИСЧЕЗНОВЕНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЯ». На фото — тот самый мужчина в кепке, который стрелял в Криса. Статья была подшита в самодельную папку, на которой было аккуратно выведено пером: «Дела. 1994-1995».

Ральф вошёл в комнату, прошёл к маленькой кухне-нише, не глядя на стены. — Чай? У вас вид, будто вы видели призраков, — сказал он, включая электрический чайник. — Дядя Ральф... мы... — начал Крис и запнулся. Все репетированные слова улетучились. — Вас ограбили. У вас отняли товар и деньги. И вас же ещё и подстрелили, — Ральф закончил за него, поставив на стол три простые кружки. Его голос был ровным, как поверхность озера перед бурей. — «Славянское братство». Сергей «Кепка» и его щенок Витька. Я знаю.

Крис и Ричи остолбенели. — Как?.. — У меня есть уши, — Ральф сел напротив них, уставившись на них своим тяжёлым взглядом. — И глаза. Вы думали, вы первые, кто решил торговать железом на доках? Вы — дети. Вы даже не спросили, кто держит район. Зашли, как в пустой дом. А он не был пустым.

— Нам нужно вернуть деньги, — выпалил Ричи, его глаза горели обидой и злостью. — Это всё, что у нас было. — Деньги? — Ральф усмехнулся, но в усмешке не было веселья. — Вы должны благодарить Бога, что живы. Сергей обычно не оставляет свидетелей. Он вас за щенков принял. Потому вы и дышите. Но теперь он знает ваши лица. Вы — мёртвые люди, которые пока ещё ходят. Если, конечно, ничего не сделать. — Что сделать? — спросил Крис, чувствуя, как надежда, грязная и колючая, начинает шевелиться в его убитом кишечнике. — Вы пришли ко мне, — Ральф отпил чая. — Значит, вы признаёте, что не справились. Значит, вы готовы слушать. Я вам помогу. Не потому что вы моя кровь. Кровь — это только повод. Я помогу, потому что вы наступили на мою старую, притоптанную лужайку. И теперь мне тоже надо показать, что она не совсем забыта. Но, — он поставил кружку со стуком, — после этого вы в долгу. Глубоко. И вы делаете, что я скажу. Когда скажу. Это не семья из кино, мальчики. Это бухгалтерия. Вы готовы подписаться под таким договором?

Крис посмотрел на Ричи. В глазах брата была та же ярость, но теперь в ней появилась тень расчёта. Тень взросления. Ричи медленно кивнул. — Мы готовы, — сказал Крис, и его голос прозвучал твёрже, чем он ожидал. — Хорошо. Ждите здесь.

Ральф вышел в соседнюю комнату. Они слышали, как он набирает номер стационарного телефона. Говорил он тихо, спокойно, но его интонации были железными. — Алло, Леонид? Это Ральф... Да, жив, спасибо... Слушай, у меня тут к тебе деликатный вопрос. Касается твоих молодых волков, Сергея и Витька... Да, с доков... Они недавно накосячили. Залезли в мой карман... Нет, не в буквальном. Они ограбили двух моих племянников... Сицилийских племянников, да... Я понимаю, они не знали. Но теперь знают... Я хочу завтра к полудню на этом же месте видеть всё, что было взято, плюс компенсацию за беспокойство и лечение. Скажем, тройную сумму от взятого... Нет, Леонид, не торгуйся. Ты же помнишь, кто сводил тебе баланс с греками в 92-м? И кто хранит те копии документов по порту в безопасном месте?... Именно. Я рад, что мы поняли друг друга... Да, они будут. Мир твоему дому, Леонид.

Он вернулся в комнату. На его лице не было ни тени напряжения. — Завтра в полдень у контейнера 17. Будет ваш товар. И три тысячи долларов сверху. За моральный ущерб. — Как вы... — не мог поверить Ричи. — Я не «вы». Для вас я — дядя Ральф, — поправил он. — А для них я — человек, который знает, где похоронены все их грязные дела за последние двадцать лет. Я был не боссом, мальчики. Я был бухгалтером. Консильеры для тех, кто думал, что я просто шестёрка. Я запоминал. Всё. Счета, имена, даты, места. И когда меня выкинули на берег, как ненужный балласт, мои знания стали моей пенсией. Моей страховкой. Теперь это и ваша страховка.

На следующий день, ровно в полдень, у контейнера №17 стоял тот же белый фургон. Возле него — Сергей «Кепка» и Витька. Но теперь на их лицах не было пустой жестокости. Была сдержанная, кипящая злоба и... страх. Глубокий, неподдельный страх.

Сергей, не говоря ни слова, швырнул к ногам Криса чёрный пластиковый пакет. Тот же тощий Витька поставил на землю коробку, из которой выглядывали знакомые свёртки. — Товар, — буркнул Сергей. Его глаза были прикованы к фигуре Ральфа, который стоял в трёх

метрах, куря сигару и созерцая небо, будто наблюдая за полётом птиц. — И компенсация, — добавил Ральф, не глядя на них. — Считайте, мальчики.

Крис, преодолевая боль, наклонился, заглянул в пакет. Пачки денег. Намного больше, чем у них было. — Всё на месте, дядя Ральф, — сказал он, и голос его дрогнул. — Тогда до свидания, господа, — Ральф кивнул славянам. — И запомните — эти два молодых человека теперь находятся под моим вниманием. Любое косое внимание в их сторону будет расценено как личное оскорбление. А я, как вы знаете, очень обидчив.

Сергей что-то невнятно буркнул, толкнул Витьку, и они, не оглядываясь, залезли в фургон и уехали.

Когда звук мотора затих, Крис почувствовал, как у него подкашиваются ноги. Он оперся на контейнер. — Спасибо, — прошептал он. — Мы... мы не знали. — Теперь знаете, — Ральф подошёл, поднял коробку с оружием, заглянул внутрь. — Хлам. Выбрасывайте. Начнёте с нормального поставщика. Я дам номер. И учитесь. Учитесь смотреть, спрашивать и молчать. А теперь пошли. Вам ещё отдыхать.

Они сидели в своей выкупленной квартире. Теперь она казалась не тюрьмой, а крепостью. На столе лежала пачка денег — их исходные пятьсот и три тысячи сверху. Целое состояние.

Но в воздухе висело не торжество. Висела тяжёлая, гнетущая тишина. Ричи налил два стакана дешёвого виски. — Мы сделали это, — сказал он, но в его тоне не было радости. — Нас почти убили, Рич, — Крис отхлебнул, и алкоголь обжог горло. Он положил руку на повязку на животе. Швы ныли. — Нас ограбили, как последних лохов. И нам пришлось... просить. — Мы не просили. Мы пришли к семье. — К семье? — Крис горько усмехнулся. — Мы пришли к бухгалтеру, который держит людей на страхе. Мы стали его... его долговой распиской. Мы должны ему. Не деньгами. Чем-то большим.

Он посмотрел на деньги. Три тысячи долларов. Цена за его кровь, за сломанное плечо брата, за унижение. И цена их будущего. Теперь они были привязаны к Ральфу. К его миру. К тем фотографиям на стене, к папкам с делами, к тихим телефонным звонкам, которые решали судьбы.

— А что было альтернативой? — спросил Ричи, и в его глазах вновь вспыхнул тот азарт, но теперь он был приправлен горечью опыта. — Вернуться к тому дерьму, от которого бежали? Умереть в тумане у контейнера? Мы выжили, Крис. И мы получили больше, чем потеряли. — Мы потеряли невинность, Рич, — тихо сказал Крис. — Не ту, про девственность. А ту, что позволяет спать по ночам. Теперь я знаю, как пахнет моя собственная кровь. Я видел глаза того ублюдка перед выстрелом. И я знаю, что за нами теперь стоит не просто брат, а целая тень. Тень дяди Ральфа. И она не отпустит.

Он допил виски, встал, подошёл к окну. Туман за стеклом был прежним. Но теперь Крис знал, что в этом тумане водятся не просто призраки. Там водятся люди в кепках с монтировками. И люди в старых футболках, которые одним телефонным звонком могут заставить этих людей дрожать.

Он повернулся к брату. — Ладно. Деньги делим. Часть откладываем на следующий товар. У Ральфа. На хороший товар. Часть — на жизнь. Больше никакой работы на «горячих парней». Только свой бизнес. Только своя семья. — Он произнёс это слово, и оно наконец обрело вес. Не романтический, а железный, кровавый вес. — Но запомни, Ричи. С этого дня мы не просто братья. Мы — солдаты. Плохие солдаты, которые чуть не сдохли в первом же бою. Но солдаты. И следующий наш промах может стать последним. Для нас обоих.

Ричи молча поднял свой стакан в тосте. Крис взял свой. Они чокнулись. Звук стекла был тихим, но в нём прозвучала клятва страшнее любой клятвы крови.

Первая сделка была завершена. Они получили деньги. Они получили защиту. Они получили семью. Они потеряли покой. Навсегда.

За окном Республики Констанция сгущались сумерки, проглатывая ржавые контейнеры и грязные улицы. Где-то там, в этом сером мраке, дядя Ральф курил сигару и листал свои папки. Где-то там злился Сергей «Кепка». А в своей крепости с деньгами на столе два брата пили виски и учились жить с новой правдой: они перешли черту. И обратной дороги не было.

ЧАСТЬ III: ПЕПЕЛ И СТАЛЬ

Три тысячи долларов пахли не свободой, а чужим страхом. Крис Моретти чувствовал это каждый раз, когда пересчитывал пачки в своей новой, дорогой кожаной сумке. Деньги, добытые Ральфом, были пропитаны унижением «Братства» – и это делало их опасными. Он знал это по опыту отца: униженный враг – это мина замедленного действия.

Ральф, казалось, был спокоен. Он ввёл братьев в дела. Не в свои тёмные архивы, нет. Он стал их «советником». Давал номера поставщиков оружия из Вирджинии – надёжных, молчаливых. Объяснял, как взвешивать товар (не только в граммах, но и в рисках). Учил их не называть вещи своими именами по телефону. — У вас теперь бизнес по торговле игрушками, — говорил он, и его каменное лицо не дрогнуло.

Они арендовали ещё два контейнера, уже под видом склада запчастей для сельхозтехники. Дела пошли. Медленно, но верно.

Но Ральф допустил роковую ошибку. Он считал, что страх, который он посеял в Леониде, главаре «Славянского братства», — достаточный клей, чтобы скрепить статус-кво. Он забыл, что страх, смешанный с яростью, порождает не покорность, а безрассудство.

Это случилось глубокой ночью. Крису снился кошмар – тот самый выстрел, но на этот раз пуля попадала Ричи в лицо. Он проснулся в холодном поту, сердце колотилось. И в этот момент зазвонил его новый, дорогой сотовый «кирпич». На том конце провода был захлёбывающийся от ужаса голос Энцо, старого сицилийца, который жил тремя домами дальше от Ральфа в «Амбарах» и сторожил соседский гараж за бутылку.

— Кристофер! Твой дядя... его дом... Боже, всё горит! Взорвалась его машина, а потом и окна... Я видел, как бежали люди, двое... Я вызвал пожарных, но...

Крис не слышал конца фразы. Он уже кричал Ричи, натягивая джинсы на голое тело. Они мчались по ночному городу, нарушая все правила, их «Додж» выл, как раненый зверь.

Улица «Амбаров» была похожа на ад. Ярко-оранжевое зарево билось о низкие тучи. Горел не только дом Ральфа №14. Огонь перекинулся на соседние постройки. Рёв пламени, треск дерева, крики проснувшихся соседей. Пожарные машины беспомощно лили воду на море огня. Машина Ральфа, старый, ухоженный «Кадиллак» 1978 года, представляла собой теперь лишь чёрный, дымящийся остов с вывернутыми наизнанку дверями – следствие кустарной, но эффективной бомбы.

— Дядя! — закричал Крис, выскакивая из машины. Его крик утонул в грохоте.

— Там! — Ричи схватил его за плечо и указал.

В свете пожара, на обочине, сидела фигура, закутанная в чёрное пальто, накинутое поверх пижамы. Ральф. Он сидел на ящике из-под бутылок, неподвижно, как истукан, и смотрел на погребальный костёр своей жизни.

Они подбежали. Лицо дяди было покрыто сажей и копотью, в седых волосах – пепел. На щеке – глубокая ссадина. Но не это было страшно. Страшны были его глаза. В них не было ни ярости, ни страха. В них было... опустошение. Полное, абсолютное. Крис видел это один раз – у своего отца, когда пришло известие о смерти бабушки в Сицилии. Тишина после крика души.

— Дядя... — Крис присел перед ним. — Ты ранен? Где твои вещи? Твои... — он хотел сказать «твои папки», но запнулся.

Ральф медленно повернул к нему голову. Движения были механическими. — Всё там, — его голос был хриплым от дыма, но удивительно спокойным. — Всё. Фотографии. Письма матери. Мои записи. Двадцать лет. Все долги, все грехи, все страховки. Всё. Теперь это пепел.

Он произнёс это не как трагедию, а как констатацию факта. Как бухгалтер, подводящий итог убыточного года.

— Это они, да? «Братство»? — спросил Ричи, сжимая кулаки. Его глаза метались по толпе, выискивая знакомые лица.

— Кто же ещё, — Ральф усмехнулся, и это было жуткое зрелище. — Леонид решил, что старый шкаф с бумагами слишком опасен, чтобы просто стоять. Решил его... списать. Они подожгли с заднего входа. Я проснулся от взрыва машины. Выбрался через окно в уборную, когда потолок в гостиной уже рухнул. Они думали, я сплю в спальне. Они... — он на секунду закрыл глаза, — они унесли с собой мою шкатулку. Там были кольцо отца и часы брата, твоего отца, Крис. Не те, что вы заложили. Другие.

Крис почувствовал, как холодная ярость, чище и острее прежней, поднимается у него из живота, от шрама, оставленного пулей Сергея. — Мы найдём их. Мы...

— Нет, — Ральф резко перебил его, открыв глаза. В них наконец вспыхнул огонь, но не ярости, а ледяной, нечеловеческой решимости. — Вы ничего не найдёте. Они уже уезжают. Леонид не дурак. Он сделал это на свой страх и риск, но он знал – если я выживу, мщение будет тотальным. Не по правилам. Без переговоров. Они уезжают из Констанции. Собирают своих крыс и бегут. В другой штат, может, в Канаду. Они оставляют вам доки. Оставляют весь свой низкий бизнес. Они просто хотят жить. И они боятся, что я даже из пепла восстану, чтобы их достать.

Пожарные прорвались ближе к дому, отесняя зевак. Один из них подошёл к ним. — Вы родственник? Вам нужна помощь, скорая? — Нет, — ответил за Ральфа Крис, вставая. — Мы поможем ему. Спасибо.

Он и Ричи помогли Ральфу подняться. Тот был удивительно лёгким, будто кости его стали пустыми. Он шёл, не оглядываясь на пляшущее пламя, пожиравшее память его жизни.

— Куда? — спросил Ричи. — В ваш «Додж», — сказал Ральф. — Отвезите меня в «Винтаж-Отель». На центральной. Я возьму номер.

«Винтаж-Отель» был не роскошным пристанищем, а унылым многоэтажным зданием. Ночной портье, ворочавший кроссворд, даже не поднял глаз, когда трое закопчённых, плохо одетых мужчин вошли в лобби. Ральф положил на стойку пачку наличных. — Номер. На верхнем этаже. Угловой. На неделю. Никаких вопросов.

Портье быстро отсчитал деньги, выдал ключ — настоящий, металлический, на брелоке с номером 520.

Комната была такой же унылой: две узкие кровати, телевизор на тумбочке, застиранные шторы, запах дезинфекции и старых сигарет. Ральф скинул пальто, сел на край кровати, сгорбившись. В свете лампы он вдруг выглядел не просто старым, а древним.

— Вы не предлагаете мне переехать к вам, — сказал он, не глядя на них. — Я здесь. Это временно. Мне нужно исчезнуть. Не для них. Они уедут. Для других. Когда падает одно дерево, в лес приходят шакалы, чтобы осмотреть пень. Мои архивы сгорели, но в головах у людей остались долги, которые они думали, что я припрятал. Теперь они подумают, что долги аннулированы. Появятся желающие это проверить. Мне нужно стать призраком. На несколько недель. Чтобы слухи устоялись. Чтобы все решили, что Ральф Моретти сломлен и уничтожен.

— Но ты же не сломлен, — тихо сказал Крис.

Ральф посмотрел на него. Впервые за весь вечер в его взгляде мелькнуло что-то, отдалённо напоминающее тепло. — Нет. Я – пепел. Но знаешь, что растёт на пепелище? Самые крепкие побеги. Вы... вы сегодня приехали. Не должны были. Ваш долг был оплачен тем, что я вернул вам деньги. Вы рисковали, приезжая туда. Зачем?

Крис и Ричи переглянулись. — Ты семья, — просто сказал Ричи, пожимая плечом, на котором до сих пор был след от монтировки.

— Семья, — повторил Ральф, пробуя это слово на вкус, как редкое вино. — Хорошо. Тогда слушайте, семья. Теперь доки – ваши. Территория, которую «Братство» держало, — теперь вакуум. Его нужно заполнить. Быстро. Тихо. Не оружием сначала. Услугами. Вы теперь

не просто торговцы. Вы – хозяева места. Начните с охраны. Подойдите к тем, кто там хранит свой левый товар – китайцы с контрафактом, мексиканцы с дешёвым ширпотребом. Предложите им защиту. За процент. Скажите, что обеспечиваете порядок после ухода славян. Цену ставьте умеренную. И главное – выполняйте. Никто не должен пострадать на вашей территории. Это – фундамент. Основа репутации. Той самой, которая не горит в огне.

Он говорил, и в его голосе возвращалась сила. Не та, что от архива, а иная – стратега, который проиграл битву, но задумался о войне.

— А ты? — спросил Крис. — Я буду здесь. Я ваш советник. Консильеры в изгнании. Вы будете привозить мне отчёты. Деньги. Вопросы. Я буду думать. А когда придёт время... — он не договорил, но они поняли. Когда придёт время, Ральф выйдет из тени. Но уже другим. Не одиноким архивариусом, а главой семейства.

На следующее утро, как и предсказал Ральф, по Стар-Риверу и докам поползли слухи. «Славянское братство» в панике сворачивалось. Их фургоны грузили мебелью и женщинами, уезжая на восток. Леонид, как выяснилось через того же Энцо, оставил своим людям лишь один приказ: «Уезжать. Старик жив. Он придёт не за деньгами. Он придёт за душами».

Вакуум образовался мгновенно. Уже к вечеру к контейнеру №17 подошёл не китаец и не мексиканец, а тот самый Френки-механик. Он был нервным. — Слышал, парни, что вы теперь... держите район. — Он помялся. — У меня в гараже лежит кое-что. Для одного кол-лекционера. Без лишних вопросов. Раньше я платил «Братству» за тишину. Теперь... кому?

Ричи, по совету Ральфа, ответил спокойно и твёрдо: — Теперь – нам. Та же ставка. И гарантия, что никакие Сергейи к тебе не придут с монтировкой.

Френки выдохнул с облегчением и отсчитал деньги. Первая дань. Не от страха, а от признания нового порядка.

Крис стоял на краю доков, глядя на уходящую колонну славянских машин. Он чувствовал не торжество. Он чувствовал тяжесть. Они больше не были просто братьями с оружием в контейнере. Они стали точкой притяжения. И точкой прицела. Ральф был прав: шакалы уже были на окраинах. Слухи о сгоревшем бухгалтере и ушедших славянах достигли других районов, других, более крупных и голодных группировок.

Он достал телефон, набрал номер Ральфа в отеле. — Дядя. Они уезжают. — Хорошо, — ответил голос в трубке, теперь снова ровный и безэмоциональный. — Теперь твоя очередь, Крис. Займи их место. Но помни: чтобы держать власть, её нужно демонстрировать. Один раз. Жестоко. И справедливо. Выбери момент. И выбери цель. Не тех, кто слабее. Того, кто думает, что он сильнее и пришёл на готовое. Покажи всем, что семья Моретти – не пепел. Она – сталь, которую закалили в этом огне.

— Понял, — сказал Крис. Он посмотрел на Ричи, который уже составлял список потенциальных «клиентов» для защиты. — Мы справимся. — Мы – да, — поправил его Ральф и положил трубку.

Ветер с реки разогнал последний пепел от дома в «Амбарах». На его месте осталась чёрная, дымящаяся пустота. Но рядом, у доков, в контейнере №17, уже горел новый огонь – амбициозный, опасный и семейный. И это было только начало.

ЧАСТЬ IV: ЦЕНА ВХОЖДЕНИЯ

Самолёт из Нью-Йорка коснулся полосы аэропорта Констанции под аккомпанемент мелкого, противного дождя, который стучал по иллюминатору, как назойливая муха. Энрико Моретти вышел в зал прилёта, и его сразу обступила не тоска, а физическая, давящая серая масса. Воздух здесь пах не кофе и духами, а влажной шерстью, озоном и химическими выбросами с промзон.

Он был одет слишком ярко для этого климата: бежевая летняя куртка, белоснежные кроссовки, красный свитер. Его улыбка, широкая и искренняя, резала глаз в этом окружении вечно уставших, подозрительных лиц.

Он увидел их сразу. Но это были не те дядя Крис и дядя Ричи, которые присылали открытки на Рождество. Это были два других мужчины.

Крис стоял, прислонившись к бетонной колонне, в идеально сидящем тёмно-сером пальто, под которым виднелась чёрная водолазка. На шее — та же серебряная цепочка, но теперь с лаконичным, тяжёлым кулоном. Его усы были безупречны, волосы коротко стрижены. В руках он держал ключи от машины, которую Энрико не сразу узнал. Ричи, в кожаной пилотке и длинном плаще, курил, не обращая внимания на запрещающие знаки. Его взгляд, скользнувший по Энрико, был быстрым, оценивающим, как сканер в супермаркете. Никакой радости. Никаких объятий.

— Энрико! Benvenuto, — всё же первым нарушил молчание Крис, подойдя и похлопав племянника по плечу. Хлопок был сухим, формальным.

— Zio Chris! Zio Richie! — Энрико попытался обнять Ричи, но тот ловко отвернулся, делая затяжку.

— Здесь не «Зио». Здесь Крис и Ричи. Или мистер Моретти, — поправил Ричи, выдыхая дым в сторону вентиляции. — Багаж есть?

— Один чемодан...

— Отлично. Машина на улице.

Машиной оказался не старый, плевым «Додж», а длинный, низкий, угольно-чёрный Lincoln Mark VII. Линии были агрессивными, шикарными. Внутри пахло новой кожей, дорогим воском и едва уловимым ароматом сигары.

— Bay! Машина! Это ваша? — не сдержался Энрико.

— Моя, — коротко бросил Крис, включая зажигание. Мотор заурчал глубоким, насыщенным басом. — Ричи купил себе другую. Едешь с нами, потом поселим.

Их путь лежал в убогий район «Стар-Ривер». Крис остановил Lincoln у дома, где у него была квартира.

— Ты пока остановишься в отеле «Миднайт», через дорогу. Мы сняли тебе номер на неделю. Потом видно будет, — сказал Крис, не выключая двигатель. — Отдохни с дороги. Завтра в десять утра я тебя отсюда заберу. Будь готов.

Энрико, ошеломлённый, просто кивнул. Его чемодан выгрузили на мокрый тротуар. «Линкольн» плавно тронулся и исчез за поворотом, оставив его одного под холодным дождём перед стеклянными дверями невзрачного отеля. Он понял одну вещь: его здесь не ждали с распростёртыми объятиями. Его... принимали на проверку.

На следующий день Энрико увидел «работу». Крис заехал за ним на том же «Линкольне» и отвёз на доки. Там пахло металлом, машинным маслом и... деньгами. Не было толп суровых бандитов с татуировками. Было несколько рабочих в комбинезонах, которые разгружали ящики с маркировкой «запчасти для тракторов» и «индустриальные подшипники». Ричи, в очках и с планшетом в руках, что-то сверял с накладной. Он выглядел как менеджер среднего звена, пусть и с татуировкой на шее, выглядывающей из-под воротника рубашки.

— Ты сегодня будешь с Ричи, — сказал Крис. — Смотри. Слушай. Не задавай вопросов. Если тебя о чём-то спросят — отвечай: «Я не знаю, я здесь новый».

Энрико стал свидетелем скучной, рутинной работы. Приехал грузовик, водитель-мексиканец передал Ричи конверт. Ричи пересчитал деньги внутри, не скрывая этого, кивнул, и его люди начали разгрузку. Позже подъехал старый «Бьюик», из которого вышел немолодой итало-американец в очках. Ричи провёл его. Энрико, протирая пыль с ящиков, услышал обрывки фраз: «...процент с оборота... безопасность гарантируем... инцидент с грузом больше не повторится...»

Это не было криминалом в его понимании. Это был бизнес. Мрачный, негласный, но бизнес.

В обед Ричи, не глядя на Энрико, сунул ему двадцать долларов.

— Сходи в закусочную, купи три кофе и бутербродов. Себе что хочешь. Сдачу принесишь.

Это была проверка на мелочность. Энрико принёс сдачу до цента. Ричи молча взял её, даже не пересчитав. Вторая проверка — на наблюдательность. Когда уезжал «Бьюик», Ричи спросил:

— Запомнил номер?

Энрико, к своему удивлению, помнил. Он продиктовал.

— Неплохо, — бросил Ричи и ушёл.

Вечером Крис забрал Энрико.

— Что увидел? — спросил он за рулём.

— Я... я видел, что вы принимаете деньги за охрану. И что у вас есть клиенты.

— Мы оказываем логистические и охранные услуги, — поправил его Крис сухим, деловым тоном. — Мы обеспечиваем бесперебойную работу бизнеса в этом районе. После ухода предыдущих... арендаторов, возник вакуум. Мы его заполняем. Это всё.

— Но это же... мафия, — вырвалось у Энрико.

Крис резко притормозил, съехав на обочину. Он повернулся к племяннику, и его глаза стали холодными, как сталь.

— Запомни раз и навсегда. Мы — семья. Мы — бизнес. Слово «мафия» я не хочу слышать никогда. Ни от тебя, ни от кого. Оно привлекает внимание тех, чьё внимание нам не нужно. Понял?

Энрико кивнул, подавленно. Это был не мир киношных гангстеров. Это был мир холодных сделок и тихих угроз. И он был куда страшнее.

Крис снял новую квартиру. Не просто комнату, а целую трёхкомнатную на том же этаже, что и старая квартира Ричи, но в противоположном конце коридора. Разница была видна сразу: у Криса было уютно, почти по-семейному — хорошая аудиосистема, большой телевизор, книги на полках. У Ричи — спартанская чистота и минимум мебели.

А потом Энрико увидел машину Ричи. Он стоял у окна отеля, когда на улице, с рычанием чистого зверя, остановился бордово-красный Jaguar E-Type. Длинный капот, изящные линии — автомобиль был произведением искусства, криком о роскоши и скорости в этом сером мире. Из машины вышел Ричи, в безупречном костюме и солнечных очках, несмотря на пасмурный день.

Ральф тем временем действительно задержался в отеле «Миднайт». Две недели прошли, его сбережения таяли. Ричи, как старший, чувствовал ответственность. Он пришёл к Ральфу с конвертом.

— Это за аренду и... за твои консультации, — сказал он, положив на тумбочку толстую пачку.

Ральф, сидевший в кресле и читавший газету, не взглянул на деньги.

— Мне надоели эти стены. И запах отчаяния, — произнёс он.

— Тогда переезжай ко мне. Есть свободная комната.

Ральф наконец посмотрел на него. Его взгляд был тяжёлым.

— Ты предлагаешь старшему родственнику милостыню и угол?

— Я предлагаю семье кров. И безопасность. Никто не ищет тебя там.

Ральф долго молчал, потом медленно кивнул.

— Хорошо. Но это временно. И я плачу за еду.

Так Ральф переехал к Ричи. Его присутствие изменило атмосферу квартиры. Она наполнилась тишиной его размышлений, запахом его дорогих, но старых сигар, чувством постоянной, незримой оценки.

Прошёл ещё месяц. Дела шли в гору. Платили не только за «охрану», но и за реальные услуги — хранение, перевалку грузов, решение «спорных вопросов». Семья Моретти стала именем. Скромным, но весомым.

Как-то вечером Ричи заехал на своём «Ягуаре» к Крису. Ральф сидел в гостиной, играя в шахматы сам с собой.

— Нужно поговорить, — сказал Ричи, снимая плащ. — По делам.

Ричи рассказал о проблеме: один из клиентов, владелец сети прачечных, отказался платить за «охранные услуги», заявив, что нашёл защиту дешевле. Это был вызов. Первый после ухода славян.

— Надо показать пример, — сказал Ральф, не отрываясь от шахмат. — Но не жестоко. Точно. Он гордится своими новыми машинами для химчистки. Пусть они сломаются. Все и разом. На неделю. Убытки будут больше, чем наш процент. Он сам вернётся с извинениями и двойной оплатой.

Крис и Ричи переглянулись. Это было элегантно и жестоко.

— Сделаю, — кивнул Ричи. Потом он замолчал, явно что-то обдумывая. — И ещё кое-что. Я купил недвижимость.

— Где? — насторожился Крис.

— В «Амбарах». Тот самый участок. Сгоревший.

Ральф замер. Его рука с шахматной фигурой повисла в воздухе.

— Зачем? — спросил он голосом, в котором не было ни гнева, ни удивления. Было нечто иное — ожидание.

— Земля стоит копейки. А вид... вид хороший, — Ричи пожал плечами, но его глаза блестели. — Я его... привёл в порядок.

— Что значит «привёл в порядок»? — медленно спросил Ральф.

— Построил заново. Не такой, конечно. Современнее. Но на том же фундаменте. Камень взял старый, что уцелел. — Ричи выдержал паузу, глядя прямо на дядю. — Я там живу теперь.

Тишина в комнате стала густой, как смола. Крис смотрел то на брата, то на Ральфа. Ральф медленно поставил шахматную фигуру на доску. Щёлк.

— Ты построил дом на моём пепелище. И поселился в нём. Не сказав мне.

— Это не твой дом, дядя, — тихо, но твёрдо сказал Ричи. — Твой дом сгорел. Это мой дом. Построенный на месте, где пытались убить мою семью. Где чуть не убили моего брата. Я не забыл этот запах гари. И я не забыл, кто нам тогда помог. Этот дом — моя... памятка. Моя крепость. Чтобы помнить, откуда мы вышли и что можем потерять. Я не позвал тебя туда, потому что это моё. Но фундамент — твой. И я это помню.

Ральф встал. Он подошёл к окну, глядя в ночную тьму. Его спина была прямой, но Крису показалось, он увидел в ней невероятную усталость.

— Ты вырос, Ричард, — наконец произнёс Ральф, не оборачиваясь. — Или стал безумцем. Или и то, и другое. Хорошо. Ты построил крепость на руинах моей тюрьмы с архивами. Может, это и к лучшему. — Он обернулся. В его глазах не было обиды. Было странное, почти

отцовское одобрение. — Но запомни: тот, кто живёт в такой крепости, должен быть готов её защищать. Не только стены. То, что она символизирует.

— Я готов, — без колебаний ответил Ричи.

На следующий вечер Крис устроил ужин. Не в ресторане. У себя дома. Он сам приготовил пасту с морепродуктами по рецепту матери. Ричи привёз дорогого итальянского вина. Ральф, одетый в свой единственный уцелевший хороший костюм, сидел во главе стола.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.